

В. Б. Кувалдин¹**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА
КАК ДЕМИУРГИ МИРОВЫХ ИНСТИТУТОВ**

Весь XX век прошел под знаком поиска мировых (глобальных) институтов, адекватных находящемуся в процессе становления и трансформации глобальному миру. Инициаторами создания принципиально новых моделей организации мирового пространства выступали национальные государства, особенно наиболее крупные и сильные из них.

Создавая мировые институты, национальные государства ревниво оберегают свой суверенитет. Для них глобальные формы мироустройства есть продолжение, усложнение, обогащение суверенитета, но никак не отказ от него. Мировые институты призваны воплощать коллективную волю стран-участниц, но не подменять их своей субъектностью. В настоящее время идея «мирового правительства» относится к области научной фантастики, но не практической политики.

На заре XX века господствующей формой наднациональной организации были колониальные империи. Несколько европейских держав, а также Япония контролировали основную часть земной суши. В мировой политике первую скрипку играли бывшие участники «европейского концерта держав», к этому времени расколовшиеся на два противостоящих блока. Западная Европа вершила судьбы мира.

После Первой мировой войны в рамках Версальского мирного договора была сделана первая серьезная попытка создать универсальную международную организацию в лице Лиги Наций. Она оказалась не слишком удачной, в частности, потому что в момент рождения Лиги Наций за ее рамками остались некоторые из важных государств планеты (США, Россия, Германия). Великий кризис и Великая депрессия подхлестнули национальный эгоизм, парализовав стремление к поиску коллективных решений. После Второй мировой войны расколотая, окровавленная и обессилевшая Западная Европа была вынуждена уступить лидерство двум периферийным «продуктам» европейской цивилизации — США и СССР.

Как известно, основы современных глобальных институтов были заложены в конце Второй мировой войны, когда на повестку дня встал вопрос о принципах устройства послевоенного мира. Тогда появились на свет божий бреттон-вудские институты — Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ). В это же время был создан такой уникальный инструмент регулирования всей системы международных отношений, как Организация Объединенных Наций (ООН). Несколько позже было заключе-

¹ Заведующий кафедрой общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ, доктор исторических наук. Автор более 50 научных работ, в т. ч.: «Интеллигенция в послевоенной Италии», «Американский капитализм и интеллигенция: историко-социологический очерк», «Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения» и др. Член исполкома Горбачев-Фонда.

но Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), предшественник современной Всемирной торговой организации (ВТО).

Правда, в условиях разгоревшейся холодной войны ни один из этих институтов не стал (и не мог стать) по-настоящему глобальным. МВФ, ВБ и ГАТТ были «приватизированы» западным блоком, действовавшим под эгидой США, ООН была парализована расколом и враждой между державами — победительницами во Второй мировой войне, инициаторами создания организации. Мировое сообщество, расколотое в своих идейно-политических основаниях, отвергало любую конструкцию, претендующую на универсальную значимость. Вопрос стоял иначе: кто кого?

Тем временем после спада межвоенного периода процесс глобализации продолжался и набирал силу без соответствующего институционального оформления. Проблема управляемости мировым развитием постепенно приобретала все более драматичный характер, о чем, в частности, свидетельствовали труды Римского клуба. Множились и обострялись глобальные проблемы, но не было реальных выходов на глобальные решения. Единственное, что удалось сделать, — несколько ограничить гонку ракетно-ядерных вооружений, чтобы она окончательно не вышла из-под контроля.

Поскольку в годы холодной войны по определению не могло создаваться никаких новых общемировых (глобальных) институтов, институциональное строительство осуществлялось по другим направлениям. Появился целый ряд наднациональных институтов, но ни один из них не претендовал на глобальный статус. Их задачи были скромнее: 1) они обслуживали противостоящие военно-политические блоки — Североатлантический блок (НАТО), Варшавский договор, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), в значительной степени Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), предшественник Европейского Союза (ЕС); 2) нащупывали третий путь в мировой политике (Движение неприсоединения), 3) синтезировали интересы государств соответствующих регионов — Организация американских государств (ОАГ), Организация африканского единства (ОАЕ), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

«Большая семерка», созданная в этот период для преодоления острого системного кризиса капиталистического мира 1970-х годов, наиболее ярким выражением которого была «стагфляция», была чисто западным институтом, несмотря на присутствие Японии. После вступления России превратившись в «Большую восьмерку», общемировым институтом она пока не стала, и неизвестно, станет ли в обозримом будущем. В связи с этим достаточно упомянуть, что в ее состав не входят два ключевых государства нашего времени, две поднимающиеся сверхдержавы XXI века — Китай и Индия.

Понятно, почему мировые институты не могли сформироваться в условиях жесткого противостояния холодной войны. Несколько сложнее объяснить, что препятствовало их появлению, в течение двух десятилетий после ее окончания, вплоть до глобального экономического кризиса конца нынешнего десятилетия. Правда, разгадка очевидна: этого не хотела единственная сохранившаяся сверхдержава — Соединенные Штаты Америки. США справедливо полагали, что любые глобальные институты так или иначе ограничат свободу маневров. Поэтому в сфере мировой экономики они сделали упор на так называемый «вашингтонский консенсус», согласование позиций в рамках комфортного для них «треугольника» — Министерства финансов США, МВФ и ВБ. В сфере мировой политики они также предпочитали действовать в рамках западного клуба держав, обращаясь за содействием к ООН только в тех случаях, когда ее было невозможно обойти.

Прогрессирующее относительное ослабление позиций США постепенно способствует прекращению подобной практики управления мировыми делами. Ноша глобальной гегемонии становится неподъемной даже для такой могучей державы, как США. Бывший мировой кредитор № 1, ставший мировым должником № 1, вынужден считаться с позициями других государств. Военная мощь США, не имеющая себе равных на планете, оказывается ограничено полезной для решения сложнейших проблем глобального мира, как свидетельствует опыт в Ираке и Афганистане. Усложнение процессов взаимодействия в условиях глобального мира требует соответствующих институциональных форм и практик.

Самый глубокий за последние полвека мировой экономический кризис, из которого мы только начинаем выходить, возможно, даст новый импульс развитию глобальных институтов. Первая ласточка появилась в виде «Большой двадцатки». Хотя в «Большой двадцатке» представлены только 10 % государств нашей планеты, на них приходится более 90 % мирового производства. Другая важнейшая характеристика «Большой двадцатки», отличающая ее от предшествующих глобальных институтов, — необычайно широкое представительство развивающихся стран, которых ранее относили к так называемому третьему миру и не очень жаловали на глобальном уровне мировой политики.

Конечно, первая ласточка весны не делает, но само ее появление знаменательно. Ведь до этого бо-

лее полувека институциональное строительство на глобальном уровне было полностью остановлено. А геоэкономический и геополитический Юг вообще в нем не участвовал. Сегодня мы имеем дело с другим миром. Создание современных институтов управления глобальными процессами невозможно представить не только без Китая и Индии, но и без таких государств, как Россия, Бразилия, Мексика, Индонезия, стран Южной Африки.

Мировые институты приобретают качественно новый характер не только и не столько из-за расширения круга ключевых игроков, интенсификации их взаимодействия по широкому спектру проблем. На протяжении двух последних веков строительством глобального мира было делом одной — европейской (западной) — цивилизации в ее различных ипостасях и проявлениях. Сегодня к нему «подключаются» все другие цивилизационные комплексы в лице наиболее мощных своих представителей. Это означает, что проблемы ценностей, идентичностей, менталитета, взаимоперевода установок и представлений различных цивилизаций на общепринятый «язык» выходят на первый план мировой политики.

Другими словами, глобальный мир требует не только эффективных общемировых институтов управления, но и глобальной культуры, общечеловеческого языка ценностей, на котором могут общаться и правильно понимать друг друга представители различных цивилизаций. Иначе мы уподобимся строителям Вавилонской башни.

Как и раньше, основными носителями глобальных импульсов выступают наиболее сильные государства планеты в их сложных взаимоотношениях, где переплетаются сотрудничество и соперничество. Поэтому диалектическое взаимодействие национального, регионального, глобального начал было и остается центральным нервным узлом мировой политики.

В то же время появление в глобальном строительстве полноценной культурной составляющей требует основательно дополнить развитие межгосударственных связей широким сотрудничеством социумов, создающим прочную сеть человеческих связей и отношений на уровне «корней». Глобальный мир не может быть чисто политической конструкцией, он требует крепкого фундамента в виде «мегаобщества», новой человеческой общности сверх границ и барьеров. Его связующим звеном призвана стать глобальная культура.